

Этнографическое интервью: комментарии полевого интервьюера к научной пьесе о тёте Веле, Наде и Лене

DOI: 10.19181/inter.2018.16.4

Анна Ипатова*

В данной статье обсуждается рефлексия полевого интервьюера по поводу этнографического интервью, представленного в «научной пьесе» Д. Рогозина. Согласно схеме пьесы, в нее включено 6 методических комментариев. Предлагаются комментарии как по структурным элементам интервью (начало интервью, контактное общение), так и по стратегии поведения интервьюера (направленное слушание, уточняющие вопросы, управление контекстом, рефлексивная позиция).

Ключевые слова: этнографическое интервью, полевой интервьюер, коммуникативные техники, эффективная коммуникация, эмпатия, контактное общение, диалогичное общение

Этнографическое интервью — это исследовательская практика, в которой, помимо непосредственного разговора между интервьюером и респондентом, важное место отводится наблюдениям и рефлексии самого интервьюера. Как и любая этнография, оно невозможно без погружения исследователя в самую ситуацию, без его «чувствования» диалога и респондента, без эмпатии и активной включенности в происходящее. Научиться этнографическому интервью можно только через опыт участия или со-участия в этой практике, и одним из вариантов такого со-участия является роль зрителя или наблюдателя научной пьесы, в которой представлена драматургия этнографического интервью.

Научная пьеса о тёте Веле, Наде и Лене, написанная Дмитрием Рогозиным, — зарисовка об этнографическом интервью в действии, своего рода документальная проза, имитация реально произошедшего интервью. Эта пьеса выступает в двух значениях: как художественный, драматургический текст, и как действие, театрализованное исполнение для подготовленного зрителя. По замыслу автора в традиционную структуру пьесы введено новое действующее лицо — Комментатор, которому отведено шесть высказываний, не включенных в полотно текста. Комментатор — непостоянная переменная, его задача — научное оформление пьесы, придание смоделированной в диалогах интервьюера и респондентов действительности проблемной, научной специфики. В зависимости от личности Комментатора пьеса приобретает свое индивидуальное звучание, именно Комментатор реализует образовательный потенциал данного действия. Ниже представлены шесть комментариев полевого интервьюера к научной пьесе.

---

* Ипатова Анна — кандидат культурологии, старший научный сотрудник Лаборатории методологии социальных исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. ipatova_anna@mail.ru

Начало интервью

Каждое интервью, вне зависимости от его разновидности, имеет свою хронологию. Особенность этнографического интервью — его континуальность, принципиальная незаконченность, возможность и готовность обоих участников взаимодействия продолжить общение. Поэтому установить точное окончание интервью довольно сложно, ведь оно может быть продолжено в любой момент, а может и вовсе перерасти в другую совместную деятельность. Иначе обстоит дело с началом интервью, а именно с моментом установления первого контакта, со знакомством обоих основных участников: респондента и интервьюера.

Знакомство — базовый элемент любого интервью, и этнографическое интервью — не исключение. Первые минуты контакта интервьюера и респондента чрезвычайно насыщены, даже если обмен репликами незначителен, а сами участники — немногословны. Именно в это время идет «сканирование» респондента, считывание его вербальных и невербальных характеристик. Во время знакомства интервьюер и респондент формируют свои первые представления друг о друге, пытаются типологизировать собеседника. Интервьюер в данном случае должен выбрать правильные стратегии вхождения в круг респондента, понять, как тут принято поступать, оправдать ожидания респондента. Выбор модели поведения интервьюера происходит по наитию, в силу опыта и обоснованных предположений о том, в какую ситуацию он попал. Надя четко определила, что вербальный компонент при знакомстве с тётёй Велей — вторичен, и залог успеха — в её невербальном поведении. Она решительно и уверенно заходит на кухню, садится на табуретку, в то время как Василий несколько неуверенно топчется в дверях. Надя начинает руководить процессом, занимает активную позицию (ТЁТЯ ВЕЛЯ[6] — НАДЯ[6]).

Задача интервьюера при знакомстве — сделать так, чтобы в базовом различении людей на «своих» и «чужих» он приблизился к первой категории. Поведение Нади сразу располагает тётю Велю, вызывает интерес. Она начинает с удовольствием комментировать действия других участников, смеяться, задавать Наде вопросы. Происходит моментальное установление первых эмпатических связей (Garbarski, Schaeffer, Dykema, 2016: 2; Miller, 2010), получение первого совместного опыта, первого базового совместного события, на котором можно надстраивать дальнейшее взаимодействие и к которому можно апеллировать в диалоге (далее тётя Веля сделает это не раз). Это первая общая ситуация респондента и интервьюера, начало их совместной истории, выстраивание тональности восприятия (Карасик, 2009: 305), построение доверия (Dickson-Swift et al., 2007: 338).

Особую роль при знакомстве в этнографическом интервью играет посредник, человек, который привел интервьюера к респонденту. Такой проводник, «свой» человек, облегчает вхождение незнакомца-интервьюера в узкий круг. Василий выступает в роли посредника, однако тетя Веля не узнает его сразу. Возможно, она отвлеклась на Надю как на нового, незнакомого человека. В данном случае роль Василия как посредника при установлении контакта не очень успешна: он заходит вслед за Надей, не представляет её, не объясняет тётё Веле контекст. Надя эту ситуацию решает самостоятельно, хотя вряд ли осознает, что Василий не опознан. Это говорит об опытности и внимательности Нади: она интуитивно понимает, как ей необходимо действовать в сложившихся обстоятельствах. Тем не менее, когда тётя Веля понимает, что Надежду привел «свой» человек, это работает на создание доверительной обстановки. Она ласково обращается к нему, пытается сохранить лицо, не обидеть знакомого тем, что не узнала его, находит оправдание для ситуации — «свалились очки». Попытка оказывается успешной, все участники взаимодействия настроены положительно и готовы к дальнейшей беседе. Василий удаляется, тётя Веля обращается к Наде, пытается расположить её (сетует на инсульт),

разрешает задавать вопросы, чем легитимизирует саму возникшую ситуацию этнографического интервью. Отлично работает на это и реакция Нади: она говорит, что «мы просто разговариваем с пожилыми людьми о жизни» (НАДЯ[8]), чем снижает возможную тревожность респондента, связанную с тем, что он со своей «обыденной» и «неинтересной» жизнью может не подойти для разговора.

Снижение пафоса и статусности, уход от ситуации «большого» события — еще одна особенность этнографического интервью. В отличие от стандартизированного интервью, где упоминание высокого статуса исследования может быть крайне успешной стратегией вовлечения респондента, в этнографическом интервью такой подход создаст ненужную дистанцию (Крейдли, 2002: 467–471). Здесь все равны, все должны быть близки хотя бы в момент разговора, находиться в одном регистре. Именно уход от дистанции, максимальное сближение с респондентом — ключ к успеху интервьюера в начале интервью.

Направленное слушание

Умение слушать — ключевой навык интервьюера. Для эффективной коммуникации именно навык слушания — залог успеха (Hargie et al., 1994: 194–218). Наоборот, «неумение слушать является основной причиной неэффективного общения, поскольку именно оно приводит к недоразумениям, ошибкам и проблемам» (Атватер, 2001). Интервьюер слушает, что говорит респондент, внимательно фиксируя и выстраивая в своей голове картину происходящего, анализируя полученную информацию с точки зрения логики и последовательности. Именно своими вопросами ему предстоит в дальнейшем заделывать белые пятна в рассказе (Голофаст, 1995). Или же отпустить эту тему, не развивать её — ведь этнографическое интервью не является глубинным, требующим полноты описания ситуации из жизни респондента. В этнографическом интервью именно умение слушать, не лезть со своей позицией и любопытством, поддерживать беседу эмпатически и дать ей развиваться гармонично и естественно — задача интервьюера.

Выжидание, обдумывание, активное и внимательное, эмпатическое слушание (Романова, Филиппов, 2009: 300) — достаточно сложная практика, с которой не всегда справляются интервьюеры. Надя успешно её реализует, не мешая повествованию тёти Вели. Со стороны может показаться некоторая отстраненность и незаинтересованность Нади, но на самом деле она максимально сосредоточена, внимательно слушает и обрабатывает информацию (ТЁТА ВЕЛЯ[21] — НАДЯ[20]).

Такое участливое слушание, невербальная и вербальная поддержка повествования (Hargie et al., 1994: 37–62; Ephratt, 2011), неторопливость, отсутствие навязчивого интереса к подробностям, малоговорение требуют от интервьюера предельной концентрации. Конечно, концентрация внимания имеет свои ограничения по длительности, поэтому необходимы некоторые компенсаторные перерывы: смех, смена дислокации, шутка, какие-либо физические действия, иногда даже смена активности (НАДЯ[32]).

Очень важно вовремя понять, что тема исчерпала себя или что респонденту не хочется дальше её развивать. В таком случае нужно дать ему возможность комфортно перейти к другой теме, отвлечься. Такой культуре общения (Зализняк, 2012: 165), умению слушать и слышать можно учиться годами. Интервьюер должен быть спокоен и восприимчив, как тонкий медиатор улавливать настроения респондента (Гоулман, 2017: 218). Не перебить рассказ, дать повествующему самому развить свою историю (Хоффман, 1994: 48), расставить в ней акценты, выйти на ту глубину рассказа, которая была бы уместна для него в данный момент, нащупать именно то, о чем хочется говорить — вот то, что важно в этнографическом интервью.

Уточняющие вопросы

Не каждый человек может связно и последовательно рассказать свою жизнь, и часто в самом начале интервью респонденты говорят об этом открыто: «Ой, да я вас не долго задержу-то! Я ничего не знаю, ничего не могу сказать» (ТЁТЯ ВЕЛЯ[11]). Опыт рассказа о себе, конечно же, присутствует у каждого человека, но в обычной жизни это происходит в диалогичном общении при обмене историями из жизни, где реплики говорящих относительно равнозначны по времени. В ситуации интервью вопрошающий про свою жизнь не рассказывает, навязывая респонденту модель направленного монолога, где последний рассказывает о себе сам и не получает в ответ аналогичную историю. Именно в этой связи, особенно в начале интервью, респонденты рассказывают короткие и, казалось бы, законченные истории, как бы проверяя, насколько важно и интересно то, что они говорят. Тётя Веля неоднократно резюмирует свои высказывания «вот так и прожили» (ТЁТЯ ВЕЛЯ[31]), «вот вся моя жизнь» (ТЁТЯ ВЕЛЯ[26]), как бы ставя точку в рассказе. Задача интервьюера в этом случае — сделать из точки запятую или многоточие, показать, что его жизнь интересна, и темы, которые он затрагивает — важны и актуальны. Сделать это возможно при помощи вопросов, и чем больше арсенал разного рода опросных конструкций у интервьюера, тем выше его эффективность.

Не каждый вопрос направлен на запрос новой информации, часто это уточнение или подтверждение того, что было сказано ранее. Такие вопросы можно назвать уточняющими (интервьюер уточняет какие-то факты из жизни респондента) и достоверительными (интервьюер удостоверяется, правильно ли он понял то, что было сказано). Часто вопрос можно охарактеризовать как уточняюще-достоверительный, поэтому мы их объединили в одну категорию. Применительно к ситуации этнографического интервью именно такой тип вопросов необходимо рассмотреть подробнее.

Удостоверительный вопрос требуется интервьюеру, когда респондент не очень глубоко описал ситуацию, но факты, которые он произнес, вызывают определенные интерпретации. Например, тётя Веля рассказала, как мужу в молодом возрасте отбило руку в лесу, и рука стала нерабочей. Упоминает она и о том, что до этого происшествия они с мужем держали скотину, а после несчастного случая муж остался с одной рукой и стал инвалидом. Надя логично предполагает, что муж мог остаться без работы, и спрашивает у тёти Вели, так ли это (ТЁТЯ ВЕЛЯ[30] — ТЁТЯ ВЕЛЯ[31]).

Надя оказывается права: нормальной работы у мужа респондента после этого не было. Но мы узнаем, что немного он все же подрабатывал. Вопрос Нади помогает тёте Веле более плавно вести повествование, несколько глубже описывать события, хотя отметим, что в конце реплики про мужа она все равно резюмирует свою жизнь (ТЁТЯ ВЕЛЯ[31]). Такой тип вопросов, конечно же, достаточно часто употребляется в обыденной, повседневной речи, и, более того, именно обилие таких вопросов показывает, что люди понимают друг друга, слушают друг друга. Очевидно, что использование этих вопросов в речи интервьюера приближает интервью к повседневному разговору. Это более понятная и узнаваемая ситуация для респондента, и это позволяет ему расслабиться, более спокойно и в обычном для себя режиме вести рассказ. Конечно, есть и определенные риски: например, мы можем столкнуться с чрезмерной интерпретацией интервьюера, навязыванием своей позиции или своего понимания ситуации, особенно когда интервьюер сам резюмирует рассказ или пытается подвести его под какие-либо аналитические категории. Эффективный способ не увлечься — выбирать короткие и точные формулировки в уточняющих, удостоверяющих вопросах: это не будет сбивать респондента, навязывать ему непривычную для него лексику, не будет уводить ситуацию моноличности в диалогичность и, более того, будет работать как элемент активного и внимательного слушания, показывать, что интервьюер понимает, о чем говорит респондент (ТЁТЯ ВЕЛЯ[43–44]).

Важно отметить, что достоверительные и уточняющие вопросы могут быть как содержательными, так и функциональными. В первом случае они направлены на поиск или уточнение фактической или целевой информации, на запрос подробностей, словом, несут смысловую нагрузку. Во втором случае они выполняют разные функции, например, могут служить управлению беседой, выводить ее в нужное русло, разряжать психологическую атмосферу интервью, создавать особое ощущение со-участия и эмпатии, сблизить респондента и интервьюера, что крайне важно для этнографического интервью.

Контактное, фатическое общение

Этнографическое интервью может быть только контактным и непосредственным, т.е. участники обязательно должны находиться в одном месте и взаимодействовать друг с другом напрямую, без дополнительных средств в виде телефона, интернета и так далее. Именно личный и близкий контакт, создание доверительной и даже несколько интимной атмосферы — отличительная особенность этнографического интервью. Особую роль в таком контактном общении имеют жестово-мимические и интонационные сигналы (Формановская, 2017: 17). Вот что пишет о контактном общении Н. И. Формановская: «здесь все на виду, многое понятно с полуслова, а нередко мимика, выражение глаз, жест, фразовое ударение, интонация в целом говорят больше, чем слова» (там же).

Особое место в контактном общении занимают междометия, в целом характерные для диалогического взаимодействия. Междометия (НАДЯ[18], НАДЯ[19], НАДЯ[20]) и междометные высказывания (НАДЯ[31]) служат для выражения эмоций, удивления, согласия, т.е. для поддержания контакта участников взаимодействия. Видно, как сложно и медленно выстраивает свою речь тётя Веля и как внимательно и терпеливо слушает её Надя.

Такая беседа «по-свойски», с полной открытостью намерений, разговор за жизнь, где интервьюер направляет своё внимание на повествование респондента (Квале, 2003: 15; Фукс-Хайнритц, 1994: 25), включает рефлексивное слушание, способствует раскрытию респондента. Рассказывающий здесь один — это респондент; второй — интервьюер — внимательно молчит, кивает, поддерживает, но не рассказывает о себе. Поэтому этнографическое интервью больше напоминает исповедь, беседу у психоаналитика, а не вопрос-ответную коммуникацию. Самое главное здесь — поддержание коммуникативного контакта, норм и ритуалов речевого поведения, то общение, которое, вслед за Б. Малиновским, можно назвать «фатическим». Фатическое общение не несет новой смысловой информации, не имеет логической и содержательной составляющей, это своего рода ритуал контактирования (Формановская, 2012: 173–174). Фатическое общение создает условия для успешного обмена информацией между говорящими, обеспечивает особую близость: «душевная доверительность, “узы общности”, сочувствие и соучастие, духовное единение, ощущение, что “мы одной крови”, сближение хоть бы на короткое время (с железнодорожным попутчиком), желание поделиться и быть понятым — все это фатика» (там же: 174).

Этнографическое интервью не может быть формальным, оно невозможно без эмпатии, без доверия, без эмоций и без одобрения. Именно фатическое общение в этнографическом интервью способствует поддержанию контакта и развитию повествования респондента.

Управление контекстом (работа с чувствительностью, управление эмоциями, этика)

Самое трагичное и эмоционально насыщенное событие в жизни респондента — смерть маленькой дочки. Это событие, которое глубиной своей боли не может оставить безучастным собеседника вне зависимости от его профессионализма, интервьюерского мастерства и коммуникативного опыта (ТЁТЯ ВЕЛЯ[32] — ТЁТЯ ВЕЛЯ[34]).

Тётя Веля не готова рассказывать об этом более подробно, сам рассказ дается ей с огромным трудом: она делает длительные паузы, осекается, что-то бормочет про себя, вздыхает. Сенситивность этой темы для респондента зашкаливает, потому она сама останавливает себя и пытается переключиться на что-то другое. Она замечает диктофон, и это становится для неё выходом из сложившегося психологического напряжения в коммуникации — ей удается отойти от описываемых событий и сохранить лицо. Сразу же она обесценивает сказанное, чтобы сделать его менее травматичным для себя и для Нади. Надя тему не развивает, но подчеркивает важность сказанного тётёй Велей. Она понимает, что есть риск вхождения респондента в измененное состояние, и в этом случае, вернуть его к нормальной, обычной беседе будет очень сложно. Материнская боль утраты всепоглощающа, оставить её незамеченной и вернуться в доброжелательный и чуть игривый тон разговора в такой ситуации — не только неправильно, но и невежливо. Надя осознает, что начни она развивать эту тему, уходить вглубь переживаний респондента, отойти от этой ситуации в интервью далее будет уже невозможно, она как якорь будет тащить за собой тётю Велю, и весь свой дальнейший рассказ, оценку своих жизненных ситуаций она фактологически и эмоционально будет выстраивать через призму этого события. Надя принимает решение не углубляться, не узнавать подробности горя. Она решает нащупать островок стабильности — тему с домом — и далее развивает разговор в ключе последующей жизни респондента: новые роды, рождение сына. По сути, Надя находит сильное и положительно заряженное эмоциональное событие в жизни тётёи Вели, дает ей возможность переключиться. Функционально подробности смерти дочери вряд ли дадут нам новую информацию, ведь уже из рассказанного можно предположить невысказанное чувство вины и всю ту боль, с которой живет тётя Веля (Шмелев, 2012: 479). Вряд ли в том месте, где она находится, существует грамотная психологическая помощь, которая помогла бы тётёе Веле пережить эту утрату с меньшими потерями. Надя не психотерапевт, она не обладает и не должна обладать нужными познаниями в этой области, и совершенно правильно, что она не берет на себя такую роль. С точки зрения этики Надя принимает верное решение по дальнейшему развитию беседы (Квале, 2003: 122). Важно это и с точки зрения метода, ведь, в отличие от глубинного, этнографического интервью не предполагает глубокого и подробного описания событий жизни респондента. Задача этнографического интервью — понять повседневность респондента, чем он живет, как проводит свои дни, чем интересуется, до какой степени сам рефлексировать свою жизнь, — а вовсе не вскрыть все его глубинные переживания и разузнать подробности трагичных событий.

Контекст, в котором происходит взаимодействие, — это сложный, запутанный, неоднозначный мир респондента, и интервьюер должен понимать, что его задача — не раскопать сенсацию, не выведать рвущие душу подробности, не отпустить грехи и не дать выговориться. Разговор закончится, мы уйдем, а респондент останется в этих переживаниях и прокручивании этой ситуации. Это слишком большая ответственность, интервьюер не должен вызывать рефлексии и переоценку событий, его задача — гармонично составить компанию респонденту на определенный период времени, со-существовать с ним момент разговора, не переструктурировать его повседневность, а стать её временной, органичной частью. Интервьюер должен идти за респондентом, углубляться на столько, на сколько того желает сам человек, рассказывающий о своей жизни, следовать его сценарию (Берн, 2017: 43–44). Поняв, что беседа принимает драматичный поворот, Надя переключает разговор на повседневные вещи, возвращает тётю Велю из переживаний и воспоминаний в реальность. Респондент не засасывает Надю: она отстраненна и этична, у нее нет «конфликта интервьюера и человека», поэтому она может управлять контекстом беседы (Dickson-Swift et al., 2007: 330).

Рефлексивная позиция интервьюера

Со-участие в жизни респондента на момент интервью, нахождение вместе с ним на его территории, прикосновение к его индивидуальному миру — это то, что крайне важно, но остается за кадром. Во время любого интервью огромное количество информации передается при помощи невербальных средств, например, позы респондента, направления его взгляда, мимики, темпа и скорости его речи, пауз и интонирования. Чтобы интервью стало этнографическим, интервьюеру необходимо отрефлексировать свою позицию и сложившееся взаимодействие, описать контекст, в котором оно происходило. В тексте пьесы за рефлексией интервьюера отвечают комментарии в скобках, но их недостаточно для создания полной картины происходящего. Там нет достаточных описаний эмоциональной компоненты разговора, невербального поведения респондента, чтобы мы могли делать свои заключения не только из речи. В этом плане театральное действие может компенсировать этот недостаток, приблизить ситуацию к тому, как она могла бы происходить.

Итак, этнографическое интервью требует от интервьюера рефлексивности, вне зависимости от того, были ли его действия осознанными или интуитивными. Прием реципации (Романова, Филиппов, 2009: 230) — возвращения к тому, что уже было сказано респондентом, — позволяет интервьюеру анализировать разговор в реальном времени, вставить в рефлексивную позицию. У профессионального интервьюера должна быть хорошо развита логическая память, он легко заметит противоречия, несоответствия и непоследовательности в речи респондента. Очень важно, чтобы все эти сомнения и размышления были зафиксированы в заметках интервьюера к данному конкретному интервью, а его личное переживание интервью — в полевом дневнике (Штейнберг, 2008: 189). Те естественные техники сбора данных (Романов, 1996: 143), которые использует Надя, профессиональны и органичны для нее, но могут не подходить для другого интервьюера. Это именно её «волшебный ключик» от двери, ведущей в душу респондента. То, как она подбирает этот ключик, как открывает эту дверь — все обязательно должно быть отражено в заметках интервьюера. Только такая рефлексивная позиция интервьюера, который описывает свои эмоции, мысли, умозаключения, причины выбора той или иной стратегии разговора, речевой тактики или темы для дальнейшего общения, формирует особый жанр направленной беседы, делает возможным составить из коммуникативного взаимодействия аналитический конструкт.

Заключение

Этнографическое интервью может и должно происходить в течение нескольких встреч интервьюера и респондента, и встречи эти должны быть максимально непринужденными, приближенными к повседневной жизнедеятельности респондента. Каждый новый виток общения привносит что-то новое в отношения респондента и интервьюера, в дискурс этнографического интервью с данным конкретным человеком. По этой причине сложно определить последовательность речевого взаимодействия, то, как плетется кружево жизни респондента. Интервьюер здесь — четкий медиатор процесса, угадывающий хитросплетения души респондента, помогающий ему рисовать замысловатый узор жизненного опыта. История бесконечна, каждая новая встреча добавляет красок и новых штрихов в описываемую картину жизни респондента, иногда даже представляя уже рассказанные события в новом или другом свете. Этнографическое интервью — больше творчество, интуиция, психология, чем коммуникативные техники и речевые приемы.

Литература

- Атватер И. Я Вас слушаю: Советы руководителю, как правильно слушать собеседника // Психология внимания. Хрестоматия / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М.: ЧеРо, 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://textarchive.ru/c-2861441.html> (дата обращения: 19.03.2018)
- Берн Э. Люди, которые играют в игры / Пер. с англ. А. Грузберга. М.: Издательство «Э», 2017.
- Голофаст В. Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–89.
- Гулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / Пер. с англ. А. П. Исаевой. 5-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.
- Зализняк А. А. Заметки о словах: общение, отношение, чувство, эмоция // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 167–174.
- Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.
- Квале С. Исследовательское интервью / Пер. с англ. М. Р. Мироновой. М.: Смысл, 2003.
- Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- Романова Н. Н., Филиппов А. А. Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология. М.: Флинта: Наука, 2009.
- Романов П. Процедуры, стратегии, подходы «социальной этнографии» // Социологический журнал. 1996. № 3–4. С. 138–148.
- Формановская Н. И. Коммуникативный акт. М.: Издательство ИКАР, 2012.
- Формановская Н. И. Культура общения и речевого поведения. 3-е изд. М.: Издательство ИКАР, 2017.
- Фукс-Хайнриц В. Биографический метод / Пер. с англ. Е. Ю. Мещеркиной // Биографический метод: История, методология, практика / под ред. Е. Ю. Мещеркиной, В. В. Семеновой. М.: Институт социологии РАН, 1994. С. 11–41.
- Хоффман А. Достоверность и надежность в устной истории / Пер с англ. В. В. Семеновой // Биографический метод: История, методология, практика / под ред. Е. Ю. Мещеркиной, В. В. Семеновой. М.: Институт социологии РАН, 1994. С. 42–50.
- Шмелев А. Д. Семантика печали // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 471–484.
- Штейнберг И. Е. Профилактика «профессионального выгорания» в полевой работе социолога // Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М). 2008. № 27. С. 188–202.
- Dickson-Swift V., James E. J., Kippen S., Liamputtong P. Doing sensitive research: what challenges do qualitative researchers face? // Qualitative Research. 2007. No. 7. P. 327–353.
- Ephratt M. Linguistic, paralinguistic and extralinguistic speech and silence // Journal of Pragmatics. 2011. Vol. 43. No. 9. P. 2286–2307.
- Hargie O., Saunders C., Dickson D. Social skills in interpersonal communication. 3rd ed. New York: Routledge, 1994.
- Garbarski D., Schaeffer N. C., Dykema J. Interviewing practices, conversational practices, and rapport: Responsiveness and engagement in the survey interview // Sociological Methodology. 2016. Vol. 46. No. 1. P. 1–38.
- Miller C. Interviewing strategies, rapport, and empathy // Diagnostic interviewing / 4th ed.; Ed. by D. L. Segal, M. Hersen. New York: Springer, 2010. P. 23–37 [Электронный ресурс]. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-4419-1320-3_2 (дата обращения: 12.06.2018)

DOI: 10.19181/inter.2018.16.4

Ethnographical interview: field interviewer comments to the science play

Anna Ipatova*

* *Ipatova Anna* — *Candidate of Sciences (Culturology), senior researcher at Laboratory of Social Research Methodology of the Institute for Social Analysis and Forecasting of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. ipatova_anna@mail.ru*

The article is devoted to the field interviewer introspection to the ethnographical interview. The material for the introspection is the "science play" given by Dmitry Rogozin. As it is defined in the play, there are six methodological comments of the commentator-analyst. The author suggests his own perspective of the science play comments. Suggested comments refer to the structure of the play (the beginning of communication, communicative interaction), as well as to the strategies of the interviewer behavior (directive listening, asking qualifying questions, context management, reflexive position).

Keywords: ethnographical interview, field interviewer, communicative technics, effective communication, empathy, communicative interaction, interlocution

References

- Atvater I. (2001) Ya Vas slushayu: Sovety` rukovoditelyu, kak pravil'no slushat` sobesednika [I'm listening to you: recommendations for the director on how correctly listen to the interlocutor]. *Psixologiya vnimaniya. Xrestomatiya* [Psychology of attention. Anthology] (eds. Yu. B. Gippenrejtser, V. Ya. Romanov). Moscow: CheRo. URL: <http://textarchive.ru/c-2861441.html> (accessed 19 March 2018)
- Bern E'. (2017) *Lyudi, kotorye igrayut v igry* [People who play games] (Translated by A. Gruzberg). Moscow: Izdatel'stvo "E".
- Golofast V. B. (1995) Mnogoobrazie biograficheskix povestvovanij [Variety of biographical storytelling]. *Sociological Journal*, no 1, pp. 71–89.
- Goulman D. (2017) *E'mocional'nyj intellekt. Pochemu on mozhet znachit' bol'she, chem IQ* [Emotional intelligence. Why It Can Matter More Than IQ] (Translated by A. P. Isaeva). 5th ed. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
- Zaliznyak A. A. (2012) Zametki oslovax: obshhenie, otnoshenie, chuvstvo, e`mociya [Notes about words: communication, relationship, feeling, emotion]. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Konstanty` i peremenny`e russkoj yazy`kovoju kartiny` mira [Constants and variables of Russian linguistic worldimage]. Moscow: Yazy`ki slavyanskix kul'tur. P. 167–174.
- Karasik V. I. (2009) *Yazy`kovy`e klyuchi* [Language keys]. Moscow: Gnozis.
- Kvale S. (2003) Issledovatel'skoe interv'yuu [Research Interviewing] (Translated by M. R. Mironova). Moscow: Smy`sl.
- Krejdlin G. E. (2002) *Neverbal'naya semiotika: Yazy`k tela i estestvennyj yazy`k* [Non-verbal semiotics: Body language and natural language]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Romanova N. N., Filippov A. A. *Slovar`. Kul'tura rechevogo obshheniya: e`tika, pragmatika, psixologiya* [Dictionary. Culture of verbal communication: ethics, pragmatics, psychology]. Moscow: Flinta; Nauka.
- Romanov P. (1996) Procedury`, strategii, podxody` «social'noj e`tnografii» [Procedures, strategies, approaches of 'social ethnography']. *Sociological Journal*, no. 3–4, pp. 138–148.
- Formanovskaya N. I. (2012) *Kommunikativnyj akt* [Communicative act]. Moscow: IKAR.

Formanovskaya N. I. (1994) *Kul'tura obshheniya i rechevogo povedeniya* [the culture of communication and speech behavior]. 3rd ed. Moscow: IKAR.

Fuks-Xajnitcz V. (1994) Biograficheskiy metod [Biographical method] (Translated by E. Yu. Meshcherkina). *Biograficheskiy metod: Istoriya, metodologiya, praktika* [Biographical method: history, methodology, practices] (eds. E. Yu. Meshcherkina, V. V. Semenova). Moscow: Institut sociologii RAN, pp. 11–41.

Hoffman A. (1994) Dostovernost' i nadezhnost' v ustnoy istorii [Authenticity and reliability in oral history] (Translated by V. V. Semenova). *Biograficheskiy metod: Istoriya, metodologiya, praktika* [Biographical method: history, methodology, practices] (eds. E. Yu. Meshcherkina, V. V. Semenova). Moscow: Institut sociologii RAN, pp. 42–50.

Shmelev A. D. (2012) Semantika pechali [Semantica of sadness]. At: Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Konstanty i peremenny'e russkoj yazy'kovoj kartiny mira* [Constants and variables of Russian linguistic worldimage]. Moscow: Yazy'ki slavyanskix kul'tur, pp. 471–484.

Shteinberg I. E. (2008) Profilaktika «professional'nogo vy'goraniya» v polevoj rabote sociologa [Prophylaxis of “professional burnout” in the field work of the sociologist]. *Sociology: methodology, methods and mathematical modelling* (Sociology: 4M), no. 27, pp. 188–202.

Dickson-Swift V., James E. J., Kippen S., Liamputtong P. (2007) Doing sensitive research: what challenges do qualitative researchers face? *Qualitative Research*, no. 7, pp. 327–353.

Ephratt M. (2011) Linguistic, paralinguistic and extralinguistic speech and silence. *Journal of Pragmatics*, vol. 43, no. 9, pp. 2286–2307.

Hargie O., Saunders C., Dickson D. (1994) *Social skills in interpersonal communication*. 3rd ed. New York: Routledge.

Garbarski D., Schaeffer N. C., Dykema J. (2016) Interviewing practices, conversational practices, and rapport: Responsiveness and engagement in the survey interview. *Sociological Methodology*, vol. 46, no. 1, pp. 1–38.

Miller C. (2010) *Interviewing strategies, rapport, and empathy. Diagnostic interviewing, 4th ed.* (Ed. by D. L. Segal, M. Hersen). New York: Springer, pp. 23–37. Available at: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-4419-1320-3_2 (accessed: 12 June 2018)